

Александр Кондратьев

1876 – 1967

Поэт, прозаик, критик, автор мифологических стилизаций и реконструкций в стихах и прозе Александр Алексеевич Кондратьев родился в Петербурге 11 (23) мая 1876 г. Учился в 8-й Санкт-Петербургской гимназии, где директором был И. Анненский. Окончил юридический факультет Петербургского университета (1902). Стихи и новеллы с 1899 г. в "Живописном обозрении", "Почтальоне", "Севере", "Сатириконе", газетах "Россия", "Слово", "Голос Москвы". С 1903 г. печатался в "Новом пути", обратил на себя внимание З. Гиппиус, стал постоянным сотрудником "Весов", "Золотого руна", "Перевала", "Аполлона"; завсегда́тай вечеров у Ф. Сологуба, бывал на "башне" Вяч. Иванова. Отдельные издания "Стихотворения" (Петербург, 1905) и "Черная Венера" (Петербург, 1909), мифологический роман "Сатиресса" (Москва, 1907), сборники мифологических рассказов "Белый козел" (Петербург, 1908) и "Улыбка Ашеры" (Петербург, 1911), "Граф А. К. Толстой. Материалы для истории жизни и творчества" (Петербург, 1912).

Зимой 1918 г. уехал в Крым, оттуда в Дорогобуж под Ровно на Волыни, вошедшей в состав Польши (ныне территория Украины), где жил в имении жены. В одном из писем Кондратьев иронически заметил, что не он уехал из России, но она уехала от него. Печатал стихи, рассказы, статьи, мемуары в "Журнале Содружества" (Выборг), газетах "Свобода" ("За Свободу!"), "Молва", "Меч" (Варшава), "Руль" (Берлин), "Слово" (Рига), "Волынское слово" (Ровно), "Русское слово" (Вильно), "Последние известия" (Таллинн), "Россия и славянство" (Париж). Издал

демонологический роман "На берегах Ярыни" (Берлин, 1930), книгу сонетов "Славянские боги" (Ровно, 1936), книгу стихов "Вертоград небесный" под одной обложкой в совместном с Георгием Клингером и Львом Гомолицким сборнике (Варшава, 1937).

С приходом Красной армии (1939) пробрался на занятые немцами польские территории, затем – Вена, Берлин, Белград, лагерь для перемещённых лиц в Триесте, дом престарелых в Швейцарии и с 1957 г. в США; умер 26 мая 1967 г. (Наяк, штат Нью-Йорк; похоронен в Новодивеевом монастыре близ Нью-Йорка).

СТИХОТВОРЕНИЯ

ЖАЛОБЫ САТИРЕССЫ

Тяжела наша жизнь и сурова.
Избегают мужья сатиресс.
Я всечасно должна быть готова,
Что супруг от семейного крова
Удерёт легкомысленно в лес.

Он стремится туда, убегая,
Где, бесстыдно и звонко смеясь,
Ждёт сатиров дриада нагая,
Взором с нею вступить предлагая
В мимолетно-весёлую связь.

Презирая мольбы и укоры,
Не жалея проворных копыт,
Каменистой тропинкою в горы
Он, заслышав призывные хоры,
К ореадам блудливо спешит.

Он стремится туда, бессердечный,
Где в серебряном свете луны,
Вереницей скользя бесконечной,
Нимфы водные в пляске беспечной
Вьются, томным желаньем полны.

Ни супруга тогда, ни вдова я.
Слёз солёные льются струи...
Вкруг бушует игра боевая.
— То, кусаясь и шерсть вырывая,
Сатирията дерутся мои...

1905

* * *

**Серебряной звездой стремлюсь я темноте,
Ни ветра не боясь, ни зноя, ни мороза,
Сквозь волны хаоса, куда всевластно грёза
Мой дух влечёт, где блещет на кресте
В сиянье пурпурном мистическая роза.**

**Пусть лики строгие мне преграждают путь;
Пусть волны чёрные ярятся, негодуя,
И ледящий вихрь пытается вдохнуть
Бессильный трепет мне в тоскующую грудь —
Звездой серебряной к той розе припаду я.**

1906-1908

ЧЁРНАЯ ВЕНЕРА

**Тёмноликая, тихой улыбкою
Ты мне душу ласкаешь мою.
О, прости меня, если ошибкою
Я не так Тебе песни пою.**

**Ты рассыпала щедро узорами
Светляков золотые огни.
Благосклонными вещими взорами
На открывшего душу взгляни!**

**Чёрно-синими звёздными тканями
Ты вселенной окутала сон.
Одинокий, с простёртыми дланями,
Я взываю к Царице Времён.**

**Ты смеёшься очами бездонными,
Неисчётные жизни тая...
Да прольётся над девами сонными
Бесконечная благодать Твоя!**

**Будь щедра к ним, о Матерь Великая,
Сея радостно в мир бытиё,
И прими меня вновь, Тёмноликая,
В благодатное лоно Твоё!**

1906-1908

В ЦЕРКВИ В ДЕНЬ УСПЕНИЯ

**Догорают маленькие свечи
Перед Девой на иконостасе,
А Она, полна забот о Спасе,
Ножки обняла Ему и плечи.**

**Грустный взор лица Ее благого
Смотрит вниз сквозь фимиам душистый,
Но спокоен Он, Малютка-Слово,
На коленях Матери Пречистой.**

**Пред Тобой, Владычица, колени
С сердцем умиленным я склоняю
И тебе под звуки песнопений
Похвалы убогие слагаю:**

**«Девство сохранившая, рождая,
Мир Ты не забыла в день Успенья,
В день восстанья к жизни бесконечной,
Матерь Жизни, Дева Преблагая.
По Твоей молитве Сын Предвечный
Наши души сохранит от тленья».**

15.VIII. 1919, 17.VIII.1919

Ранний вариант третьей строфы:

**«Девство сохранившая, рождая,
Мира не оставив в день Успенья,
К жизни Ты восстала бесконечной,
Матерь Жизни, Дева Преблагая.
По Твоей молитве Сын Предвечный
Наши души сохранит от тленья».**

НА УСТУПАХ МАССАНДРЫ

**Сквозь кружево сосен виднеется море,
Сливаясь с эмалью небес голубой.
Деревья — в златисто-зелёном уборе;
Шумят их вершины, шепчась меж собой,
И вторит им издали мерный прибой.**

**Я на гору лезу, стучу по камням,
Цепляясь за корни, о ветви шурша.
Лишь птицы с их щебетом, свистом и пеньем
Меня здесь встречают... и жаждет душа
Излиться стихами, полна вдохновеньем...**

* * *

**Слышишь ветра холодного пение
Посреди обнажённых ветвей?
Холодеет и солнце осеннее,
И всё тоньше, грустнее и бреннее
Вьётся ниточка жизни моей.**

**Юность вдаль унеслась невозвратная;
Вечер жизни ненастно-суров.
На Тебя лишь надежда невнятная.
Ты накинешь на нас, Благодатная,
Ярко-блещущий звёздный покров.**

**Ты усталого сердца биение
Остановишь целящей рукой,
Ты всем скорбям пошлешь утешение
И сквозь краткое смерти мгновение
В Свой введешь лучезарный покой.**

* * *

Лазурь небес над моей головою;
Налево горы, покрытые лесом;
Прибоя ропот доносится справа
Сквозь шум и шелест развесистых дубов...
Люблю твой голос, о Мать-Природа;
Твоё дыханье ловлю всею грудью,
Любуюсь блеском серебряным моря,
К тебе припавшего в страсти бессонной.
Я счастлив славить Тебя, о богиня,
Твои златисто-зелёные ризы,
Твоих цикад несмолкаемый скрежет,
Жужжанье пчёл и кузнечиков взлёты...
К чему мне рифмы! Твоё обаянье
Должно быть славимо речью свободной.
Мои хвалы, может быть, и не стройны,
Но с птичьим свистом и лепетом листьев,
С гуденьем пчёл и шумящим прибоем
Они сольются в ритмическом гимне
Тебе, палимая ласками Солнца,
Тебе, объятая вспененным морем,
Дыханье пьющая ветров влюблённых
Мать-Кибела¹.

17.IV.1919

¹Кибела – богиня плодородия, культ которой возник в Малой Азии и был перенесен в Грецию.

* * *

**Под защиту Твою прибегаем,
Богоматерь, спасенье людей.
Огради нас от бед и страстей
И укрой нас спасительным краем
Ризы чистой и светлой Твоей!**

**Труд и горе сложив за порогом,
Мы, чья вера в покров Твой жива,
В сельском храме старинном и строгом
Собрались перед Господом Богом
Во всерадостный день Покрова.**

**О Владычица, в тайной тревоге
На Тебя я надежду простёр,
На Тебя уповаю по Боге,
Будь на жизненной трудной дороге
Мне защитой Твой благодный взор!**

**О Пречистая Дева, Тобою
Слово Божие к нам рождено.
Пусть молитвой Твоей преблагою
В нашем сердце, объятom тоскою,
Светом радостным вспыхнет Оно!**

26.IX.1919

ГЕРКУЛЕС¹ ОМФАЛЕ²

День настал. Прости Омфала!
Кончен рабства краткий срок,
Время странствий вновь настало.
Не проси. Так хочет Рок.

Дали моря ярко-сини,
Бодр и свеж шумит прибой.
Эти влажные пустыни
Скоро скроют парус мой.

Ждут меня иные дали.
Манит властно моря гладь.
Там следов твоих сандалий
Я не буду целовать.

Преклоняясь пред тобою,
Я гляжу в последний раз
Не с тоскою, не с мольбою
В тайну темных гордых глаз.

Их не властны больше чары,
И без трепета вдали
Вспомню сладкие удары
Пёстрой маленькой туфли.

Этих туфелек немало
На моем лежит пути.
Пышнобёдрая Омфала,
Рок, зовёт меня. Прости.

Осень 1919

¹Геркулес (Геркулес), или Геракл – герой греческой мифологии, сын Зевса и смертной женщины Алкмены. Наделенный необычайной силой, Геракл

совершил множество подвигов; наиболее известен цикл сказаний о 12 подвигах Геракла.

²Омфала – царица Лидии, которой Геракл был отдан в рабство.

* * *

**Серебрясь, блистает юная луна.
Пусть себе блистает. Нечего мне ждать.
Ничего не может жизнь мне больше дать,
Чаша наслаждений выпита до дна.**

**Катится по небу яркая звезда.
Но моих желаний не пошлю ей вслед.
Уж давно желаний в сердце больше нет.
Счастья и надежды прожиты года.**

1919-1920

ЛЯГУШКИ

**Как томных старых клавесин
Стон мелодично-монотонный,
Звучит их хор неугомонный
Из влажной зелени трясин.**

**Звенит многоголосый хор,
Бессонный, страстный и счастливый,
И аист, важный и ленивый,
Идёт, склонив пытливый взор,
Походкою неторопливой.**

*май 1920
Дорогобуж*

* * *

**О, усни, мое сердце усталое!
Не томись от несбыточных грёз,
И не верь, что на крыльях стрекоз
Прилетит к тебе счастье бывалое.
Не вернутся в соцветие алое
Лепестки облетевшие роз.**

* * *

**Заливаясь, поют соловьи.
Отовсюду их щёлканье слышно,
И сирень, отцветая так пышно,
Стелет крестики наземь свои.**

**На дорожках — лиловый ковёр,
Вся окрестность цветами одета.
Надо мною немолкнуший хор
Звонких пчёл, в честь грядущего лета.**

8 ФЕВРАЛЯ¹

1

Сегодня — день восьмого февраля...
Как далека ты, Невская Столица!
Ушли, как сон, родных и близких лица,
Вокруг — уже не русская земля!
Без усталы несетя колесница
Времен, моей души не веселя.
Я — пленник в ней. Стигийские поля²
Уже близки. Загадочный возница
Сурово гонит бешеных коней,
Влекущих нас в неукротимом беге
В страну воспоминаний и теней,
Где как живые ждут меня коллеги
Моих беспечных юношеских дней,
По зданию Двенадцати Коллегий³.

2

Столица Севера, как вид прекрасен твой
Над полноводною, медлительной Невой,
Рекой-красавицей в гранитном одеянии,
Соборов и дворцов величественный строй,
На площадях — царей немые изваянья...
Кто раз тебя видал — забыть не в состояньи.
Не позабыл и я, о Город мой родной,
Далекий Град Петра, Тебя в моем изгнании,
Твоих каналов мрак, твоей реки сверканье,
Адмиралтейский шпигель, за сквером, золотой,
Гул поздний Невского, и санный бег зимой,
И зоревых ночей весенних обаянье!
О, годы юности! О, розовое зданье,
Как улей, полное студенческой толпой!

¹ 8 февраля – дата основания Петербургского университета. Кондратьев окончил юридический факультет университета, где учился вместе с Блоком и Савинковым.

² Берега реки Стикс, протекающей в царстве мертвых.

³ Главное здание Петербургского университета.

ПОСВЯЩЕНИЕ ТЭФФИ¹

Покрыта земля прошлогоднею бурой листвою,
Весенняя зелень ещё мне не радует взоры.
Грустны обнаженные серо-пологие горы.
Стою у окна и к стеклу я приник головою.

Оторван от родины властно-жестокой судьбою,
От сонма друзей и от храмов искусства и знаний,
Далёко-далёко лечу я на крыльях мечтаний
В край солнечных сказок, неизвестный хмурой толпою.

Средь волн темно-синих, увенчанных гребнями пены,
Там высится остров, где зелень покрыла утесы,
Его увидав, изменяют бег судна матросы,
— Подальше от скал, где поёт, завлекая, сирена.

И чудится мне, что ко мне донеслись издалека
Звонящего пенья волшебного-призывные звуки
И голос знакомый — его не забыл я в разлуке
Среди испытаний над сердцем бессильного Рока.

Как сладостны песни, что голос тот пел мне когда-то!
Я жажду их слышать! И старых я жажду и новых.
Пусть мне не добраться до скал тех заветно-лиловых,
Но стих твой... Ужель и к стихам твоим нет мне возврата?

Сирена! Властна ты напевом пленительно-стройным
Меня и заочно дарить твоих сладостных песен...
Ах, если бы рукопись!.. Или лишь Грюнберг² да Гессен³
Автографы Тэффи держать в своих лапах достойны?!

¹ Надежда Александровна Бучинская, урожденная Лохвицкая – писательница.

² Гринберг Роман Николаевич – издатель.

³ Гессен Иосиф Владимирович – издатель, редактор.

* * *

*Посв. Е. П. К.*¹

**Посмотри: зазеленели горы,
Солнце светит с синей высоты,
Разоделись в яркие уборы
В честь весны деревья и цветы.**

**Белым снегом облетают сливы.
Блещет свежий тополевый лист.
Детский смех доносится счастливый,
И не молкнет птиц весенний свист.**

**От жасминов струи аромата
Пробуждают сонные мечты.
Но, тоской неясною объята,
Средь цветов не радуешься ты...**

¹Елена Павловна Кондратьева – жена поэта.

* * *

**Вот вещи нужные для творчества поэтам:
Стол; окна старые, полны зеленым светом
От молодой листвы, что вешний дождь кропил,
И в мутном хрустале стигийский¹ мрак чернил;
Перо, которое их выпьет ржавым клювом,
Ну и, конечно, тот, кому шептать, люблю «Вам».**

¹Река Стикс, протекает в царстве мертвых.

ВЕРТОГРАД НЕБЕСНЫЙ

Вертограда небесного Лилия,
Райский Цвет на бесплодной земле,
Распростертый средь праха и пыли я
Образ Твой призываю во мгле.

Нимб Твой — звёзд серебристых сияние,
Поступь — облачка легкого след.
Днем и ночью Твое одеяние
Дарит солнца немеркнущий свет.

Очи помыслы гонят нечистые.
Лик Твой — отблеск зари на снегу;
Волоса Твои — рожь золотистая,
А улыбки сравнить — не могу!

Мне ли, с силами столь невеликими,
Слить мой стих в славословящий хор
С херувимами пламенноликими,
Сонмов ангельских внять приговор?!

О, Звезда Незакатная, Божия,
О, Светильник надмирных высот,
Я кладу у святого подножия
Вместе с песнью души моей гнёт.

Голубица небес ослепительных,
В сферах вечного света паря,
Не забудь наших скорбей мучительных,
О Невеста и Мать Всецаря!

На молитву, к Тебе вознесённую.
Обрати, Благодатная, взор
И над Русью, тоской угнетённую,
Распростри Твой златой омофор¹!

¹Часть епископского облачения, широкая лента, одеваемая поверх других одеяний.

* * *

Тихая, мглисто-туманная,
Мать утомленной Земли,
Мною в подруги избранная,
Песни внемли.

Тайны храня обаяние,
Вся холодна и строга,
Бледное льешь ты сияние
Вниз на снега.

Скрыта фатой черносинею,
Знаю, колышится грудь.
Льется небесной пустынею
Млечный Твой путь.

Формы обвив безупречныя,
Радует трепетный взор,
Брежит сквозь ризы предвечныя
Звездный убор...

Полон любовью безбрежною,
Жду я, когда с высоты
Зов Твой, с улыбкою нежною,
Бросишь мне Ты...

* * *

**Наше я преходяще и тленно.
Неизменен и вечен лишь Ты.
Наши жизни, тщеславно-пусты,
Пред Тобою проходят мгновенно.
Память дней наших так коротка!
Всё времён унесётся потоком.
Никакая скрижаль не крепка
Перед их всестирающим током.
Всё — как сон мимолётный иль дым
Перед ликом спокойным Твоим.**

* * *

**Есть в царстве снов страна. Там в сумраке видны
Причудливых дворцов застывшие строенья.
Пустынны улицы, и, трепета полны,
От взора прячутся немые привиденья.**

**По плитам каменным истертой мостовой
Бродил я медленно, весь полон ожиданья,
Очами злобными, объаты полутьмой,
Смотрели на меня покинутые зданья.**

**С тревогой тайною я там тебя исках,
Загадочных палат заглядывал в преддверья.
Там было пусто все, и злой паук заткал
Грифонов¹ мраморных изогнутые перья.**

**Под аркой темною я крался в тишине
И зорко узкие оглядывал проулки.
Я словно тень скользил, но всё ж казалось мне —
Шаги неверные так непривычно гулки.**

**Тебя там не было. Напрасно призывал
Я стройный образ твой с неутомимой страстью.
В преддверьях сумрачных мне лапу простирал
Лишь каменный дракон с разинутою пастью.**

¹Грифон – мифическое животное с птичьей головой, крыльями орла и туловищем льва.

* * *

Обиталище душ, обретенных от тела,
Солнце мертвых, нагая Луна,
Много тысяч веков над землей ты блестела,
Неразгаданной тайны полна!

Свет вечерний ноябрьского дня презирая,
С безучастным лицом мертвеца,
Ты глядишь, не суля нам ни ада, ни рая,
Но лишь тяжкие сны без конца.

Эти сны словно черные тучи нависли
И плывут над беспечной землей
И в мозгу вызывают неясные мысли
О грядущей тоске гробовой...

9 декабря 1932

* * *

**Сестер кастальских благостыни
Лишен, я Роком удален
В изгнание на берега Горыни¹.
Забыл меня здесь Аполлон,
И всеми позабыт я ныне.**

**Но верю, помнят про меня
Не знающие света дня
На берегах печальной Леты
Мои знакомые поэты
И ждут, молчание храня.**

1.III.1936 ст. ст.

¹Река на Волыни, вблизи которой расположено село Дорогобуж, где жил Кондратьев с 1918 по 1939 г..

МАРЕНА¹

**О, светлый юноша, мой враг прекрасный, я
Не в бой. вступить — любить тебя готова,
Сойди с коня — пусть снежная дуброва
Приют нам неги будет... Я — твоя.
Брось этот щит и острие копья
В грудь белую не направляй сурово...
Что ж, я уйду. Но знай, вернуся снова,
Твой юный лик в душе моей тая...
Но не найду тебя я, возвратись!
Растратив пыл с Землею, а Купалой
Покинут для других, обманутый, усталый,
Ты радость жить утратишь, милый князь,
И, завернувшись в плащ свой ярко-алый,
Уснешь навек, со мной не примишься.**

(21 января 1921)

¹Примечание автора: «Богиня зимы и смерти у древних славян. Близка к Морозу.»

СВЕТЛЫЙ ВИТЯЗЬ¹

**Белый конь по снеговым полянам,
Где не ступит, там земля видна.
Пробуждать природу ото сна
Едет витязь под плащом багряным.
Всюду чтится по славянским странам
Светлый бог. Рука его сильна,
И Марену копием она
Поразит, одетую туманом.
Золота червонного перчатки
Крепко держат конскую узду.
Под венцом трясутся на ходу
Жемчуга подвесок в беспорядке.
Кто ты, бог, стремящийся для схватки
По снегам и тающему льду?**

¹Примечание автора: «Изображение этого бога дошло до нас на иконах св. Победоносца Георгия (в кавалерии не служившего) и в “Стихе о Егории Храбром”».

ЩЕТИНИСТЫЙ ТРИГЛАВ¹

**Святилище пышной едва ли видел взор.
По клену резаны, и божества, и птицы,
И звери, и цветы, вдоль стен моей божницы
В пестро раскрашенный переплелись узор.
Там в главной храмине стою я с давних пор,
Предвечной ночи сын, таинственной царицы,
Славянский древний бог, Триглав серебролицый...
Главу четвертую Перунов снес топор...
Ее весь день держу за длинные рога.
Но только смеркнется, я храм мой покидаю.
Конь черный ждет меня, и в поисках врага,
С кривой секирою в руках, я объезжаю
Всю землю Щетина от края и до краю,
Вперяя в тучи взор и в моря берега...**

¹Примечание автора: «Божество, лики которого соответствуют фазам луны. Черная масть коня указывает на ночной характер этого бога...».

ДЗЕВАНА

Царицы Лета дочь, прекрасная, как мать,
Но строже, чем она, я — Летница-Дзевана.
В сени священных рощ люблю среди тумана
Вечернего мольбам невинных дев внимать.¹
Люблю охотиться и кровью обагрять
Стрелу пернатую из светлого колчана.
Мной нанесенная не заживает рана.
То боги ведают, и мне убор мой смять
Из них не смел никто. Дажбогова сестра,
Пока он на небе, я гуслим сладкострунным
В чертогах матери внимаю от утра
До ночи сумрака. А там — моя пора.
Брожу среди лесов, облита светом лунным
И косы завязав узлом серебряным.

¹Примечание автора: «В Польше эту богиню считали покровительницей невест. Её именем назван там цветок».

МЕСЯЦ

В серебряной ладье по темным небесам
Над сонною землей плыву я одиноко.
Задумчиво вокруг мое взирает око.
Куда плывет мой челн — того не знаю сам.
Пусть вокруг меня горят и близко и далеко
Огни красавиц звезд. К зовущим их устам,
К знакомым мне златым и пышным волосам,
Ах, не влечет меня! Очей моих с востока
Не в силах отвести. В запретном терему
Там спит теперь Заря, царевна молодая.
Лишь минет ночь, она, улыбкой разгоняя
Туман, появится к восторгу моему.
Но деву с розовым лицом не обниму
— В ее сиянии я исчезаю, тая...

ПЕРУН¹ — ВЕЛЕСУ²

Нет, я не брат тебе, о Волос, бог скотов,
Бог племени рабов, покорно гнущих выи.
Варяжских витязей дружины боевые
Меня к вам принесли от дальних берегов.
И победили мы люд здешний и богов.
Все покорили мне удары громовые...
Богини ж здешних мест (им это не впервые)
Улыбки слали мне из вод, из облаков,
С полей и из лесов. Но этим я улыбкам
И взорам ласковым не верю с давних пор.
Для викингов-князей я тот же древний Тор,
В пернатый плащ одет и на подножье зыбком
Свинцово-темных туч стою неколебим...
Кто может быть из вас противником моим?!

¹Перун, бог грозы индоевропейской и славянско-русской мифологии. В 9-10 вв. на Руси — покровитель князя и дружины, глава языческого пантеона.

²Велес (Волос), «скотий бог» в славяно-русской мифологии, покровитель домашних животных и бог богатства.

* * *

За белой Лебедью, царвною морской,
Ты мчишься бешено. Могуче машут крылья...
Вот Лебедь падает. Ей твоего насилья
Не избежать, Орел. Но я мой лук тугой
Уже напруг. Стрела рассталась с тетивой
И, свистнув, понеслась. Сквозь водяную пыль я
Заметил, как ты вдруг метнулся над волной...
И без исчезнувшей — подруг ты в избыльи
Имеешь на небе. — Любовь их так пылка...
К ним страсть излить лети. Но, раздирая тучи
Одежд их царственных, не забывай, Могучий,
Что не над всем властна, Перун, твоя рука.
И Лебеди не тронь! Иначе снова жгучей
Стрелы изведаешь полночного стрелка.

22.VI.1923

ЛЕШАЧИХА

Хозяину лесов я прихожусь женой.
Известно всякому, что нет другой на свете.
Берлога есть у нас, и в той берлоге дети,
И прижил он их всех до одного со мной.
Пускай бесстыдницы болотные собой
Его пленяют взор, заманивая в сети
Пропахших тинной кос. Лишь только косы эти
Мне в лапы попадут, — такие визг и вой
По лесу полетят, что Мишка брякнет с дуба,
А лисы с зайцами забьются по норам
От гнева моего. И, отомстив мой срам,
В порядок привожу растрепанную шубу.
Медведь залижет мне прокушенную губу
И грудь, где от когтей бесовки виден шрам.

Июль 1925

ЗЕМЛЯ

Земля прекрасная, любовница богов,
Для каждого из них меняешь ты наряды.
Лишь пробудят тебя весной Дажбога¹ взгляды,
Ты сбрасываешь свой белеющий покров
И ризой в зелени пестреющих цветов
Пленяешь божий взор. Веленьям властным Лады
Покорная, любви вкушаешь все отрады
С небесным юношей. Но вот из облаков
Златобородый царь свой лик покажет смелый
И страсти молнией нежданно опалит,
И для Перуна ты приемлешь новый вид
— Убранства желтые, как нивы колос спелый.
А там зима идёт, и стан твой вновь обвит
Для князя сумрака одеждой снежно-белой.

¹ Дажбог (Дажьбог, Даждьбог), бог солнца и небесного огня в славяно-русской мифологии, сын Сварога.

СОН ЛЕТА

Дворцы богов таит заоблачная высь,
А в том, что краше всех, за прялкой золотою
Царица Лето спит, и, к ней влетев толпою,
Сны в пестрый хоровод, кружась, переплелись,
На бело-розовый свой локоть опершись,
С улыбкой сонной зрит богиня: над волною
На колеснице сын летит и красотою
Пленяет водных дев. Те взорами впились
В Дажбога светлого и пеною морскою
Со смехом брызжут вверх в честь юного царя,
К себе его зовут, но он через моря,
Через леса спешит небесною стезею
И правит на закат, где ждет его с тоскою,
От всех скрываемой, прекрасная Заря.

МОРСКОЙ ЦАРЬ

**Сквозь окна моего хрустального дворца
И солнце видимо, и розовые зори,
И с удивлением бессмысленным во взоре
В них рыбы тычутся день целый без конца...
Давно я не видал веселого лица
И не плясал давно. И с дочерьми мне горе:
От рук отбились, и в небе на просторе
Летают лебедями, не слушая отца...
Того и жди теперь, что та иль эта дочь,
Не ведая о том, как люди вороваты,
Соскучась по воде, сорочку скинет прочь
И в первый пруд нырнет, но птичьей шкурки снятой,
На сушу вылезши, уж не вернет без платы...
И жди ее потом напрасно день и ночь!**

МОРСКАЯ ЦАРЕВНА

Царя Морского дочь, люблю я в летний зной
Покинуть празелень подводного чертога,
Расpletши волосы, их посушить немного
И с пеной шумною сравниться белизной.
Прекраснее меня нет в море ни одной
Из царских дочерей. Отец нас держит строго,
Но жажда бросить взор на солнечного бога
Толкает властно всплыть над теплою волной.
Отца запрет забыт. Ликуя и смеясь,
Я, запрокинув лик, качаюсь в сладкой неге
И жду среди синих вод. Вот в неустанном беге
Своих коней летит по небу светлый князь.
Он надо мною!.. Плеск... Из золотой телеги,
Обрызган, выглянул, краснея и стыдясь...

ВИЛЫ¹

**Высоко в облаках и средь лесных дубрав,
Вблизи источников, во мгле ущелий темных
Живем мы, гордые, вдали очей нескромных
Людского племени. Наш независим нрав.
С колчаном за спиной, одежду подобрал,
Порою на лосях несемся мы огромных
Вслед за медведицей средь скал головоломных.
Иль, волхвованьями напевными собрав
На небе облако, мы частым ливнем склоны
Омоем наших гор, и по тропе крутой,
Насквозь промоченный, пришлец бежит домой.
У светлого ключа мы любим мох зеленый.
Там сладок отдых наш, и юноша влюбленный,
Случалось, нарушал без гнева наш покой...**

¹Вилы (самовилы, дивы, самодивы), фантастические женские существа в верованиях южных славян, подобные русалке. Красивые девушки, способные летать и связанные с водой. Строили из облаков воздушные замки.

КУКОЛКА-ЧУЧЕЛКА I

Зовут и куколкой и чучелкой меня.
Я — деревянная, завернута в тряпицы,
Средь чуров нет меня; нет и среди божницы,
Где боги высятся, молчание храня.
Невидимо таясь от света бела дня
Рукой заботливой моей хозяйки-жрицы,
Сама ее храню от притки, огневицы
И сглазу, нечисть прочь зловредную гоня.
Когда же минет день и тишина ночная
В избе заменит гул докучных голосов,
Беззвучно мать встает, мой тряпочный покров
Снимает бережно с меня и, предлагая
Мне яств, склоняется ко мне, полунагая,
И скорби тайные вверяет мне без слов.

КУКОЛКА-ЧУЧЕЛКА II

**Давно перехожу я из семьи в семью,
Входя туда с женой, с невестой покидая.
Меня тайком от всех приносит молодая;
На одре смертном мать дарит мной дочь свою.
С сироткой девочкой я вместе слезы лью,
Обед ее делю, подруг ей заменяя;
Советы добрые ей подаю средь сна я,
И шепот многих дев в душе моей таю.
Все наклоняются перед лицом моим,
Из грушевого пня изваянным топорно.
Оно от времени залоснилось и черно;
Но этот темный лик и близок и любим,
Когда с улыбкою знакомой и покорной
Гляжу в их очи я, безмолвно внемля им.**

БАБА-ЯГА

Вихрь хладный листья рвет с полунагих ветвей
И с воем в воздухе их кружит, развевая.
В их желтом облаке стучит ступа большая,
И едет с помелом Яга седая в ней.
Под грустный стон дерев и рев лесных зверей
Яга примчалася. Избушку заслоняя,
Вкруг частокол стоит; на нем воронья стая
И трупьи головы, одна другой страшней...
Две мертвые руки ворота отворили;
Ступа сама пошла и стала под навес.
Вот входит в дверь Яга скрипучую, и бес
Из-за печи пищит: «Здесь, бабка, гости были».
— «Кто?» — «Мальчик с девочкой. Кота они кормили,
И тот их выпустил...» — «Где кот?!» Но кот исчез...

(3 марта 1923)

КИКИМОРА¹ — БАЮНУ²

**Добыча злобных ведьм, далеко от родных,
В подземном царстве я младенческие лета
В глубокой тишине вела, не зная света,
Забывта близкими и позабывши их.
К незримым ликам сил таинственно-немых
Мольбы и жалобы все были без ответа.
Твоей лишь близостью душа была согрета,
Мой черный кот, Баюн, свидетель слез моих!
Ты утешал меня, играл со мной не раз,
Мурлыча мне во тьме пленительные сказки...
Кикиморою став и к людям в дом вселясь,
Их пряду путаю, краду у жен подвязки,
Детей пугаю и... люблю припомнить ласки
Порой твои, Баюн, и блеск зеленых глаз.**

¹Кикимора (шишимора, мара), в русских народных поверьях — злой дух, малютка-невидимка женского пола, живущая в доме за печкой и занимающаяся прядением и тканьем.

²Баюн – демоническое существо, приносящее детям сон и развлекающее их играми и сказками.

ВИЙ¹

**Диканьский дьяк солгал. Я не подземный бес,
Чьи веки страшные землей покрыты черной;
Не знал я никогда породы гномов горной
И в церковь к мертвецам ни разу я не лез.
Я — лишь залетный гость: промчался и исчез.
Но где пронесся я, — посевов гибнут зерна
И не взойдут хлеба; их сжег мой вздох тлетворный.
Где крыльями махну, там юный сохнет лес.
Колодцы, реки сякнут... Поднял тучей пыль я...
И над дорогами стоит она, и гнилью
От балок трупной тянет, и ревут стада,
Травы не находя, сгоревшей без следа...
А я уже в степях за Каспием, куда
Меня назад несут мои бесшумно крылья.**

¹Вий, в восточнославянской мифологии дух, несущий смерть. Имея огромные глаза с тяжелыми веками, Вий убивает своим взглядом. Еще есть Суховий – демон восточного ветра.

БОЛОТНИК

Я — Водяному брат двоюродный. Рога,
В отличие от него, мне украшают темя.
Под властью моей болотных бесов племя
Размножилось. У них лягушечья нога
И морда кошачья. Бес каждый — мой слуга.
А, может быть, и сын. Такое нынче время.
Никто не знает, где и чье возрастает семя.
Мне это всё равно... На наши берега
Влечет заманчиво ночного пешехода
Болотниц пение. Тропинку потеряв,
На голос, сладостных исполненный отрав.
Спеша, он в сонные к нам попадает воды.
Над гостем темные сомкнутся сверху своды,
И будет долго тлеть он среди подводных трав.

БОЛОТНИЦЫ

**Бесстрастно облила сиянием луна
Болота топкого зыбучие трясины.
Окно бездонное покрыто пленкой тины,
И посреди его, взгляни, — озарена
Серебряным лучом, виднеется одна,
А дальше — две других... О, если б миг единый
Побыть близ этих дев! Пусть лапе лебединой
Подобны ноги их! Но что за белизна
У тел, прикрытых лишь волос волною темных,
И лиц, исполненных желаний неумных!..
Вон та шевелится... Внемли: она поет.
Как песнь ее звучит среди ночных болот,
Огней блуждающих и бесенят нескромных,
Что плещут лапками, из черных выйдя вод!**

МИКУЛА¹

Сверкающей сохой он пашет целину.
Валяются в борозду и сосенки и ели,
И радостно вокруг звенят пичужек трели,
Немолчно славящих красавицу Весну.
Лошадка напряглась. Натянуты в струну
Гужи шелковые. О камни заскрипели
Присошки, золотясь. Дух от весенней прели
С земли вздымается... — «А ну, кобылка, ну!»
— Порою слышен крик бодрящий и могучий
Микулы. Никого среди богатырей
Сильнее нет его и никого скромней.
Одетый пахарем, и в лапти и в онучи,
Сам ходит по весне он за сохой скрипучей.
Возлюбленный Земли, он верно служит ей.

¹Один из богов земледелия.

ДОМОВОЙ

Январской полночью под взмахом топора
Петух затрепетал, с насеста схвачен сонный,
И веник, кровию горячей окроплённый,
В дом дед-ведун несёт. И спешно, до утра,
Все уголки избы, сарая и двора,
Конюшни и хлевов годик окровавлённый
Обходит и метёт. И шепот потаённый
Заклятий говорит душе моей: «Пора
Владычества богов минула. Нет их боле.
Лишь ты да лесовик, да кое-кто есть в поле,
Да кое-кто в воде ещё приемлют в дар
Души загубленной петушьей сладкий пар
Иль гуся или хлеб... Навеки чьей-то волей
С народом связан ты, хотя уж слаб и стар».

ПОЛЕВИК

Я — тоже бог, и мне принадлежат поля;
Я и велик и мал бываю — как колосья
Иль злаки на лугу. Сам — чёрен, как земля;
Бледней увядших трав висят мои волосья.
Как перепел, меж нив шныряю вкривь и вкось я
И вдоль межи бегу быстрее коростеля,
Но не сломя нигде ни одного стебля.
А встретятся хмельной Пахом или Федосья,
Что крутит колоски, — так настрашаю их,
Что не найдут пути домой они с испугу.
— Не порти людям хлеб и нив не мни моих!..
Я лешему сродни. Иду к нему как к другу.
Нас ночью видели бредущими по лугу
К реке, чтобы ловить русалок там нагих...

КОРОВЬЯ СМЕРТЬ

**При таянии снегов в ночь на Агафьин день
Коровой белою, рыча, бегу по сёлам
И мор скоту несую: рогатым и комолым,
Бычкам и тёлкам, всем — конец! Через плетень
Старухой, грязный хвост свой прячу под подолом,
Переберусь и в хлев незапертый, как тень
Скользнув, посею смерть. И прочь с лицом весёлым
Спешу в соседний двор. Немало деревень,
Где жизни скотские я как траву полола,
Запомнят злобою исполненный мой вид,
Следы моих больших, раздвоенных копыт,
Собак трусливый вой... Лишь лапоть с частокола,
В дегтю намоченный, меня собой страшит
И гонит прочь, когда я оббегаю села...**

ОГНЕННЫЙ ЗМЕЙ

Сверкнувши по небу падучею звездой,
Он в искры мелкие рассыпался над хатой,
В трубу змеёй вильнул. Заслонки и ухваты
Посыпались... Бух в пол! Вдруг огонёк свечной
Погас... Зажёгся вновь... И парень молодой,
Здоровый как бугай, чернявый и усатый,
В кунтуш затянутый малиновый богатый,
Перед Солохою, от трепета немой,
Стал неожиданно. — «Что, рада аль не рада?»
Страсть в бабе вспыхнула от огненного взгляда,
И к гостю льнёт она, зардевшись словно мак...
Тьма вновь. И слышится: «Ну, ждёт тебя награда:
Родишь ты сына мне, и будет он ведьмак».
И спрятанный в углу дрожит от страха дьяк...

ВЕДЬМА

Никто не должен знать, что ведьмой стала я,
И по ночам коров могу доить незримо,
Сорокой выпорхнуть на крышу в струйках дыма,
И рыскать по лугам, свой лик людской тая.
Кто может отгадать, что чёрная свинья
Иль сука белая, что пробегает мимо,
— Соседка по избе? Везде неутомимо
Я порчу людям скот. Задолго до жнивья
Заламываю хлеб. Заглядываю в трубы
И насылаю хворь на плачущих детей,
Коль мать не угодит. Мне бабьи слёзы любы.
Я парой тоненьких лягушечьих костей
Могу воспламенить для старца жар страстей...
Могу, при случае, заговорить и зубы...

УПЫРЬ

Тоска на сердце. Тишь. Не спится. Ночь мутна.
Кто в нашу сторону идёт там возле моста?
Как мой покойный Ясь. Такого ж точно роста.
Походка та ж... Ужель?! Всё ближе... У окна
Остановился... Ах, он смотрит!.. И луна,
Блеснув из туч, льёт свет на белый, как берёста,
Лик страшный выходца нежданного с погоста.
И ласковая речь знакомая слышна:
— «Оксана, ясочка! Я это, отвори
Мне дверь или окно, и вместе до зари
С тобой пробудем мы!» Но полная испуга,
Дрожа, свяченный мак берет его подруга
И сыплет вокруг себя. Не могут упыри
Достать догадливых из макового крута.

ТРСАВИЦА¹ АКИЛЕД

Нас больше тридцати. Все — матери одной.
Простоволосые, но видом не старухи,
Нагие, жадные, крылатые, как мухи.
Едва лишь узнаём, что в доме есть больной,
К нему слетаемся. Но спорить меж собой
Не станем. Первая — Невея. Губы сухи.
Целует сонного. Трепещет он, а в ухе
Его звенят слова Трясеины: «Ты мой!»
Больной дрожит, стена, и бьётся в лихорадке.
Знобея за сестрой его дыханье пьёт.
Ласкают прочие. Помучить все мы падки,
И жертву каждая обнимет в свой черёд.
Но вздох последний, вздох, как мед пчелиный сладкий,
Пью только я одна, меньшая, — Акилед.

¹Сестры-трясовицы – демоны лихорадки, являющиеся больным в бреду. Боятся лошадиного черепа и злых собак.